

У истоков
онегинского
замысла

С. А. Фомичев,
доктор филологических наук

Заканчивая работу над «Евгением Онегиным», Пушкин скажет:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне (...)

Непосредственная работа над «романом в стихах» была начата в 1823 году в Кишиневе. В рабочей тетради поэта перед первой онегинской строкой стоят сразу две даты. Вторая из них — «28 мая ночью», и рукопись первой строфы не оставляет сомнения, что записана она именно тогда. Но что же значила дата «9 мая», стоящая здесь же, чуть выше? Напомним, что в 1830 году в Болдине от 9 (а не 28) мая 1823 года Пушкин начнет вести отсчет времени всей работы над романом, а ведь тогда у него не было под рукой тетради, хранящейся ныне в Пушкинском Доме под номером 834, где эта дата была зафиксирована.

Прежде всего нужно понять, чем для поэта была памятна первая дата.

9 мая — день праздничный, Николин день (Никола летний). К тому же именно с этого дня Пушкин отсчитывал срок своей ссылки; 9 мая 1821 года он пометил в Кишиневском дневнике: «Вот уже ровно год, как я оставил

Петербург». В биографической же литературе о Пушкине днем его отъезда на юг — на основании косвенных данных: свидетельств современников — называется 6 мая 1820 года. «Участь Пушкина решена, — сообщает А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 5 мая 1820 года. — Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем». Но мало ли что могло произойти за день и помешать отъезду в установленный срок. Заметим, что 6 мая 1820 года отмечался большой церковный праздник Вознесения, который почитался поэтом особо: на Вознесение в 1799 году он родился. Вполне возможно, что Пушкин задержал отъезд, чтобы провести праздничный день в семье. В любом случае вряд ли можно сомневаться в том, что через год он точно помнил дату отъезда. Здесь должно довериться самому поэту, а не свидетельствам современников и документам.

Пока это объясняет, почему спустя семь лет, в Болдине, он помнил дату «9 мая», но не ее «онегинское значение». О чем думал, что вспоминал Пушкин 9 мая 1823 года? Ближайшим к этой дате является его письмо (от 13 мая 1823 года), адресованное Н. И. Гнедичу:

«Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабского пустытника. Он молчит, боясь надоедать тем, которых любит, но очень рад случаю поговорить с вами об чем бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданию „Руслана“ и „Пленника“, то всего бы короче для меня положить на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-ый раз „Руслана“, нынче не опомнится и не загородит пути второму его пришествию? Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Якову Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура. *Tout bien vu* (Хорошо все взвесив — франц.) не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité

Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

(Я не заслужил / Ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления — франц.).

Как бы то ни было, воспользуюсь своим *случаем*, говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего „Нерешительного“; услыша стих „И должно честь отдать, что немцы аккуратны“, я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захопает и захохочет. — А что тут остро, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кю-

хельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе, и что он падал с лошади. Все это кстати о „Кавказском пленнике“. От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но люблю их и ленивых. Vale, sed delenda est censura (Будь здоров, цензуру же должно уничтожить — латин.).

Пушкин.

13 мая. Кишинев.

Письмо написано в воскресенье, оно — ответ на послание, полученное от Гнедича. Когда полученное? Очевидно, на той же неделе. Не в среду ли, 9 мая, в Николин день (а Гнедича звали Николаем), в третью годовщину ссылки?

Слишком большой пласт «преднегинских мотивов» мы находим в ответе к Гнедичу.

Защищая своего героя от недоброжелательного читателя, Пушкин скажет в последней главе романа:

— Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неуговорно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких чувств неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком рано разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

(Ср. в письме: «Есть у нас люди, которые выше ее (публики — С. Ф.); этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает»). Как видим, в 1830 году, в Болдине, Пушкин помнит не только дату рождения замысла, но и свои размышления семилетней давности, этот замысел определившие.

Письмо к Гнедичу объясняет и вызывавшее у пушкинистов разноречивое толкование опасений поэта насчет неприемлемости для цензуры первой онегинской главы. В ней не было политической сатиры, но она наполнена мотивами антиханжеской, легкой поэзии, подобно первой пушкинской поэме — в даром во второй строфе романа поэт обращается к читателям как к «друзьям Людмилы и Руслана», а в последней строфе первой главы вспоминает о цензурных придирках («Цензуре долг свой заплачу»).

Проходное воспоминание в письме к Гнедичу о Якове Толстом, председателе «Зеленой лампы», тоже ориентирует на текст первой онегинской главы. Давно замечено, что изображенный здесь в подробностях день светского столичного жителя восходит к пространному стихотворению Я. Н. Толстого «Послание к петербургскому жителю»:

Ты в роскоши, пирах, собраниях,
 Забот не ведая, живешь.
 Проводишь утро на гуляньях,
 А ночь Эроту отдаешь...
 Проснувшись поутру с обедней,
 К полдню кончаешь туалет,
 Меж тем лежит уже в передней
 Зазывный на вечер билет...
 Спешишь, как будто приведен, —
 Шагами мерять булевар...

Отразилась в романе и ремарка Пушкина насчет «аккуратных немцев» в упоминаемой им комедии Н. И. Хмельницкого «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе»:

И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпаке, не раз
 Уж отворял свой *васисдас*.

Отозвались в первой главе стихи самого Гнедича; в примечаниях к «Евгению Онегину» Пушкин дает пространную цитату из его идиллии «Рыбаки», предваренную комплиментарным замечанием: «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича».

Реагирует в романе стихотворение В. К. Кюхельбекера, о котором Пушкин вспоминает в письме к Гнедичу — ср.:

Мы оба бросили тот свет,
 Где мы равно терзались оба,
 Где клевета, любовь и злоба
 Разлучили обоих нас!

Эта тема развита в строфе XLV:

Условий света свергнув бремя,
 Как он, отстав от суеты,
 С ним подружился я в то время. <...>
 Страстей игру мы знали оба;
 Томила жизнь обоих нас;
 В обоих сердца жар угас;
 Обоих ожидала злоба
 Слепой Фортуны и людей
 На самом утре наших дней.

В этом отношении необходимо сказать также об отражении кюхельбекеровских черт в Ленском. Во всяком случае, читая предсмертную элегию Ленского, мы вправе вспомнить упомянутое в письме от 13 мая 1823 года стихотворение Кюхельбекера:

И не далек, быть может, час,
 Когда при черном входе гроба
 Иссякнет нашей жизни ключ;
 Когда погаснет свет денницы <...>

РУССКАЯ РЕЧЬ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

92

1

Академия наук СССР
Институт русского языка
Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.
Выходит 6 раз в год

ИНДЕКС 70788 ISSN 0131 — 6117 МОСКВА «НАУКА»

В НОМЕРЕ:

К 25-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ РЕЧЬ»

3 Слово к читателям

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 10 *С. А. Фомичев*. У истоков онегинского замысла ©
15 *А. А. Пичгадзе*. «Подражания Корану. 1.» Источники и ассоциации ©
19 *А. Л. Гришунин*. Из наблюдений над словоупотреблением А. Блока ©
25 *Е. В. Красикова*. Апокалипсис милосердия ©
31 *Л. Л. Бельская*. Современна ли современная рифма? ©

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 38 *Наталья Горбаневская*. Стихи о русском языке ©

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 45 *Е. Н. Ширяев*. Вместо хроники одной конференции о русском языке ©
51 *Л. К. Граудина*. Мы, мода и язык ©
56 *Г. А. Золотова*. О слове и деле ©
Наши консультации
63 *Н. В. Трифонова*. В Республике Болгарии, в Республике Польша ©
66 *Эр. Хан-Пира*. Владыка или владыко? ©

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 69 *И. Б. Серебряная*. «Бьют челом холопи твои...» ©
Православные традиции: праздники, обычаи, обряды
73 Объяснение Символа веры, молитв и заповедей

РУССКИЕ ГОВОРЫ

- 91 *Л. Ю. Зорина*. «С малиновой речью...» ©
96 *В. Ф. Житников*. Лонись, кумышка, прокурят... ©
-